

ДОРОГА НА ХУТОР

КАК-ТО в Лиозно случайно попал на колхозный рынок на ярмарку. Казалось, все окрестные колхозы и совхозы бросили поля и дружно решили наводнить город сопутствующими товарами.

«Первое мая» предлагал купить вешалку под оленьи рога, багетовые карнизы, другой колхоз привез плуги, хомуты, третий — только семена. Племенной совхоз «Крынки» — единственный — предлагал мясо.

А как-то не так уж давно на том же рынке стояли латышские крестьяне Озоль и Блюм и наперебой предлагали парную телятину, свинину, рядом, не менее степенные продавцы из сельхозартели «Лашнево» раскладывали мясо элитных пород, продавали молочные продукты. Кто замерз, мог подойти к винной лавке Зомберга и отведать вина местного завода. Ну, а как не купить детям меда с образцовой пасеки Талмана...

ВЕРСИИ

Витебская губерния граничила с Латвией. От остальных отличалась она тем, что сразу после отмены крепостного права многие местные землевладельцы стали продавать свою землю. На российских или белорусских купцов витьбичи особо не рассчитывали — давали объявления в рижские газеты.

Существует две версии появления латышей на витебской земле. Первая — это покупка каким-то курляндским помещиком земли в границах Усвятского имения, район нынешней деревни Пудоты Суражского района, который запросил на должности лесников несколько

тивным Хозяйством).

Число членов артели было не постоянно: в 1910 году — 32 хозяйства, через год — 45, с началом войны — всего 20. Не брезговал состоять в товариществе и владелец имения Крынки, помещик Карл Мозс. Членские взносы, на которые существовало товарищество, зависели от количества земли. Кто имел до 20 десятин, платил в год пятьдесят копеек, от двадцати до пятидесяти — рубль пятьдесят, и только Карл Мозс платил пять рублей за свои сто десятин. Объединяясь, латышские хуторяне главной своей задачей определяли развитие сельского хозяйства в районе. Для начала «лашневцы» изучили положение хозяйств всех членов, определили приоритеты развития. За свой счет организовывали они публичные лекции, выписывали сельскохозяйственную литературу, проводили выставки и аукционы. Даже племенного быка в Англии купили. Естественно, в складчину.

После революции лашневское товарищество продолжало существовать под названием

лату коллективную просьбу, в которой просят разрешения поделить ее на хутора. Казенная палата переправила просьбу в губернское правление, но то даже не сочло нужным ответить. Тогда латышская община «Выдрея» на свой страх и риск перезала землю на хутора и начала хозяйствовать. А через 25 лет, с началом столыпинской земельной реформы «самоволка» получила законную силу. Выдрейские и лашневские хутора были объявлены показательным хуторским районом, куда всей России советовали ехать перенимать опыт.

«В «Выдрен» хутора Озоля, Блюма, Донстера (23 десятины), Альсмика (60 десятин), Анжана (50 десятин, хорошее животноводство и усиленное травосеяние при семипольной системе), потом надо ехать до деревни Погостище, по дороге будет хутор Зомберга. Это чистейший хутор с изготовлением яблочного вина в двух строениях, тут же в деревне Жилинница восьмипольное хозяйство Карла Лусса, возле хутора Заболотье Талмана большая и хорошая пасека, дальше кирпичный завод Биркинфельда», — говорилось в специально выпущенной брошюре.

Принципы хозяйствования были одинаковые для всех ла-

семей. По второй версии латыши были приглашены графом Шуваловым, который потом продал Усвятское имение помещику Родзянко.

Так или иначе, но латыши тут обжились и даже в письмах на родину приглашали земляков приезжать хозяйствовать. Приезжали, брали землю в аренду, покупали. Первым переселенцам было дано обещание освободить молодежь призывающего возраста от службы, что привело в Усвятское имение в 1886 году около 60 латышских семей.

С арендаторов, которые брали сорок и более десятин земли, землевладелец не брал первые шесть лет платы за землю и оказывал помощь при строительстве большого жилого дома. Кто брал меньше, терял эти преимущества.

Сохранился один из первых арендных контрактов Усвят.

«1887 года августа пятого дня, Мы, нижеподписавшиеся, поверенные имения Усвят Павел Карлов Кнорре и крестьянин Курляндской губернии Таллинского уезда Эдуард Дрейер заключают контракт.

Экономия имения Усвят отводит Эдуарду Дрейеру около границ деревни Жеросперы нусок леса под название «Гороватка» в одной круговой меже.

Арендатор на свои средства обязан построить жилой дом с

«Орайс». На хуторе Боксберга была организована молочная ферма, а Зомберг стал владельцем частного предприятия «Зейдс». Но в лице латышских хуторян, реализующих свою продукцию на рынке, белсельсоюз увидел конкурента кооперации. Их тут же обвинили в том, что... большую часть мяса латыши продавали весной, когда цены на него высоки. И, не особо вдаваясь в разъяснения, «Орайс» распустили. Зомберга же заподозрили в том, что его предприятие на самом деле является акционерным обществом всех латышей района (а ведь заслуг перед районом у него немало). В Витебской губернии было слабо развито садоводство, саженцы, выписанные с Черниговщины, обходились недешево. Зомберг занялся выращиванием рассады, уже через три года продавал 800 плодовых саженцев в год по доступной цене).

Надвигалась коллективизация...

Латышских хуторян обложили большими налогами, урезали землю. Еще в двадцать шестом году хозяйство председателя

латышских крестьян: «Русские батраки не очень охотно начинались к латышам, потому что не привыкли к такому быстрому темпу работы, который практиковал латышский хуторянин. Во время косьбы или жатвы сам хозяин дает пример, а батрак должен идти вместе с ним в ногу. Большинство этого не выдерживало» (газета «Сельский Вестник»). К началу коллективизации в Выдре было 36 крепких латышских хозяйств...

— Кругом Выдре много латышских хуторов лежало, — вспоминает Эльза Ивановна Ефременко (девичья фамилия Дзенис). — Что ни усадьба, так латышским именем названа, дома были хорошие, сады великолепные. Боже мой!.. Только пораскучивались их всех, повысыпали. Никто не вернулся.

Не ищите вы те хутора. Их, как и лашневские, раскорчевали. Теперь на том месте колхозные поля. Кое-где видны остатки фундаментов домов.

— Ой, трактора переворачивались, когда латышские скелепа из земли вытягивали, — говорит Эльза Ивановна.

— А где-нибудь еще латыши «сохранились»?

— Нет, только в Крынках моя сестра, да в конце деревни Валентина Петровна Балодис. Я тоже латышский язык забываю, но если с латышом, то поговорю еще, — говорит Эльза Ивановна.

Хутор Валентины Петровны Балодис находился около Добромысля. Чтобы не очень тянуло в родные места, семью их поднимали колхоз «послали» в Выдре. Закончила Валентина Петровна латышскую школу, поступила в Ленинградское латышское педучилище. Но в национальной школе преподавать не пришлось — к тому времени их закрыли. Рассказала В. П. Балодис о судьбе выдрейского латышского кладбища. Семь лет назад кто-то (никто не знает, кто именно) дал указание кладбище разрыть, как когда-то хутора разрыли, уничтожив попутно березовую рощу. Кладбищенский лесон вместе с костями и черепами усопших использовали при строительстве дороги, ведущей на центральную усадьбу колхоза деревни Новая Жизнь.

...После октябряского переворота находящийся в Витебске «Губернский союз земельных собственников» выпустил брошюру «Опомнись, пока не поздно» (беспристрастное разъяснение земельного вопроса во избежание грядущей голодовки). Были в ней и такие строчки: «Лозунг «Земля — народу» практически не может быть проведен в жизнь. Он сделает на этой почве только насилие неслыханное в мире, несправедливость, голод.

Глеб БАБКИН.

Лиозненский район.
НА СНИМКАХ: дорога на хутор; Э. И. Ефременко; В. П. Балодис; когда-то здесь был хутор.

Фото автора.

одной русской печью и крышей, крытой дранью...

Первые шесть лет Эдуард Дрейер освобождался от арендной платы, но был обязан построить сушильню с кирпичной печью и током под одной крышей, амбар и два хлева, сарай для склада сена и хлеба, а также обнести усадьбу изгородью. Весь лес и кирпич отпускался экономией бесплатно. За второй срок арендная плата в общем составляла 583 рубля. Сурово, но при наличии трудолюбия и головы на плечах можно было скопить на выкуп или покупку земли.

ЗОМБЕРГ, ВЫ НАМ НЕ ТОВАРИЩ

Лашнево, принадлежавшее помещику Шлырке, было куплено латышскими крестьянами в 1885 году за двадцать тысяч рублей. Все имение — 585 десятин земли, в основном леса. Разделили, вышло по 65 десятин на семью. Двадцать лет каждый работал на своем хуторе, потом решили объединиться в товарищество сельского хозяйства (не путать с КОЛлек-

Крынковского сельсовета Петра Прейса носило гордое название «культурное хозяйство». Через год его имущество было описано, а хозяин с семьей выслан. Вот опись имущества, нажитого Прейсом и его братом: «Молотилка, косилка, сепаратор, газовый мотор в пять конских сил...». Больше всего возмутило представителей бедноты обстановка дома: «...в доме находится пианино, фисгармония, мягкая мебель...».

Действительно, зачем на каждом хуторе фисгармония, лучше когда одна, зато все могут слушать.

ТРАГЕДИЯ ВЫДРЕЙСКИХ ХУТОРОВ

...Владелец имения Выдре, что в двадцати километрах от Лашнево, Богомолец дал объявление в рижских газетах о продаже имения. Покупатели не замедлили явиться. В 1870 году 24 латышских семьи за 12 тысяч рублей купили Выдровское имение в 1.360 десятин. Через шесть лет все участники покупки подают в Казенную па-